

ХОРОШИЕ ВРЕМЕНА

1

Когда окружающие — например, водители такси или дантисты — спрашивают меня, чем я зарабатываю на жизнь, я отвечаю, что работаю в офисе. За девять лет никто еще не поинтересовался, в каком именно — или в чем конкретно заключается моя работа. Я не могу понять: то ли я для них выгляжу как типичный офисный сотрудник, то ли, услышав фразу «работаю в офисе», они додумывают все остальное: кто-то размножает документ на ксероксе, кто-то стучит по клавиатуре. Я не жалею. Я довольна, что мне не нужно пускаться в захватывающие хитросплетения объяснений, приемлемых для них. Когда я только начала работать в этом месте, в ответ на расспросы я говорила, что работаю в компании, занимающейся графическим дизайном. Но тогда меня принимали за творческую личность. Было немного утомительно смотреть, как вытягивались лица собеседников, когда я объясняла, что выполняю лишь второстепенные функции и никогда не пользуюсь ни остро заточенными карандашами, ни крутым программным обеспечением.

Сейчас мне почти тридцать, я работаю здесь с двадцати одного года. Боб, владелец фирмы, взял меня вскоре после ее открытия. Думаю, из жалости. Я получила диплом по классической филологии, у меня не было опыта работы, а на собеседование я яви-

лась с синяком под глазом, парой выбитых зубов и сломанной рукой. Вполне возможно, Боб уже тогда предвидел, что я всегда буду довольствоваться плохо оплачиваемой должностью, никогда не претендуя ни на что большее и не доставляя ему хлопот по поиску замены. Возможно, он смог предугадать, что я никогда не возьму отпуск, чтобы провести медовый месяц, и не уйду в декрет. Не знаю.

У нас в офисе определено двухуровневая система: творческие личности — кинозвезды, все остальные — массовка. Чтобы сказать, кто к какой категории относится, достаточно одного взгляда. На самом деле, в значительной степени это определяется зарплатой. Операционному отделу платят жалкие гроши, поэтому мы не можем позволить себе ни модных стрижек, ни задротских очков. Одежда, музыка, гаджеты — наши дизайнеры до жути хотят, чтобы их считали свободомыслящими уникалами с неповторимыми идеями, но при этом все они строго придерживаются одного стиля. Меня графический дизайн не интересует. Я занята в финансовом секторе и могла бы выписать счет-фактуру на что угодно: оружие, флуни-тразепам или кокосы.

С понедельника по пятницу я приезжаю на работу в половине девятого утра. Час трачу на ланч. Раньше я сама делала себе сэндвичи, но у меня дома продукты всегда портились до того, как я успевала их доесть, поэтому сейчас я беру что-нибудь на главной улице. В пятницу, в ознаменование удачного завершения рабочей недели, в обед я всегда устраиваю поход в «Маркс и Спенсер». Потом усаживаюсь в комнате отдыха с сэндвичем в руке, прочитываю газету от корки до корки и принимаюсь за кроссворды. Я покупаю «Дэйли Телеграф» — не потому, что она мне так уж

нравится, а потому что в ней они лучше всего. Ни с кем не разговариваю: пока я успеваю купить бизнес-ланч, дочитать газету и разгадать оба кроссворда, перерыв подходит к концу. Я возвращаюсь за свой стол и работаю до половины шестого. Поездка домой на автобусе занимает полчаса.

Слушая «Арчеров»*, готовлю ужин и съедаю его. Обычно это спагетти с соусом песто и салат — одна сковородка и одна тарелка. Мое детство было наполнено кулинарными противоречиями: в течение многих лет меня кормили то выловленными вручную морскими гребешками, то полуфабрикатом из трески.

После долгих размышлений о политических и социологических аспектах питания, я пришла к выводу, что еда меня совершенно не интересует. Я отдаю предпочтение дешевому корму, который можно легко и быстро добыть и приготовить, при этом обеспечивая организм всеми необходимыми для поддержания жизни нутриентами.

Вымыв посуду, я читаю книгу или смотрю телевизор, если там показывают какую-то передачу, которую в этот день порекомендовал «Телеграф». Обычно (ладно, всегда) разговариваю с мамочкой вечером по средам в течение пятнадцати минут или около того. Ближе к десяти ложусь в постель, полчаса читаю и выключаю свет. Засыпаю, как правило, без проблем.

По пятницам после работы я не сразу иду на автобусную остановку, а сначала направляюсь в супермаркет «Теско» за углом и покупаю пиццу «Маргарита», немного «Кьянти» и две большие бутылки водки «Глен’з». Когда прихожу домой, съедаю пиццу и вы-

* «Арчеры» — самая продолжительная радиопостановка за всю историю британского вещания. Насчитывает более 18 250 эпизодов.

пиваю вино. Потом добавляю немного водки. В пятницу мне много не надо, лишь каких-то пару глотков. Обычно в три часа ночи я просыпаюсь на диване и бреду в кровать. Оставшуюся водку выпиваю в течение выходных, растягивая на два дня так, чтобы не быть ни пьяной, ни трезвой. Время до понедельника тянется долго.

По телефону мне звонят редко — от его звука я подпрыгиваю, — чаще всего только для того, чтобы поинтересоваться, не всучили ли мне по ошибке страховку по выплате кредитов. Я шепчу им: «Я знаю, где вы живете», — и очень, очень аккуратно кладу трубку. Если не считать всякого рода работников, в последний год в моей квартире не было никого — я очень неохотно пускаю других представителей рода человеческого на порог, разве что им нужно снять показания счетчика. Думаете, так быть не может, да? И все же это правда. Я же ведь существую, не так ли? Хотя порой мне действительно кажется, будто меня нет, будто я лишь плод собственного воображения. Временами связь с землей ощущается настолько слабо, что нити, соединяющие меня с этой планетой, становятся тонкими, как паутина. Мощный порыв ветра мог бы сорвать меня, я взмыла бы в воздух и улетела, словно былинка одуванчика.

С понедельника по пятницу эти узы немного крепчают. В офис без конца звонят клиенты, чтобы обсудить очередной кредитный лимит, и присылают электронные письма с подробностями контрактов и смет. Если я не приду, коллеги — Джейни, Лоретта, Бернадетта и Билли — сразу это заметят. Через несколько дней (я часто задавалась вопросом, через сколько именно) они забеспокоятся, почему я не позвонила и не сообщила, что заболела (это на меня непохоже), а потом откопают в базе данных сотрудников

мой домашний адрес. Думаю, в конечном итоге они обратятся в полицию, правда? И что же, полицейские выломают входную дверь? Обнаружат меня и прикроют лица, задыхаясь от вони? В офисе это даст пищу для разговоров. Они меня ненавидят, но моей смерти все же не желают. Я, по крайней мере, думаю так.

Вчера я ходила к врачу. Кажется, что с тех пор прошла целая вечность. На этот раз мне достался доктор помоложе — бледный и рыжеволосый малый, — чем я была весьма довольна. Чем они моложе, тем свежее их знания и навыки, и это всегда преимущество. Ненавижу попадать к доктору Уилсон. Ей около шестидесяти, и мне трудно себе представить, что она что-то знает о новых лекарствах и открытиях в медицине. Она и с компьютером-то с трудом управляется.

Доктор, как они обычно это делают, разговаривал со мной, но при этом смотрел на экран, читая историю болезни и все яростнее тыча в клавишу ввода по мере продвижения вперед.

— Чем могу быть полезен, мисс Олифант?

— У меня болит спина, доктор, — сказала я, — я очень мучаюсь.

Он по-прежнему на меня не смотрел.

— Как давно у вас боли?

— Пару недель.

Он кивнул.

— Я думаю, я знаю, в чем причина, — сказала я, — но мне хотелось бы услышать ваше мнение.

Он наконец перестал читать и скользнул по мне взглядом.

— Что же, по-вашему, вызывает у вас боли в спине, мисс Олифант?

— Думаю, доктор, это груди, — сказала я.

— Грудь?

— Ну да, — продолжала я, — понимаете, я взвесила их, и они потянули на три килограмма — конечно, не каждая по отдельности, а вместе! — я засмеялась.

Он смотрел на меня в упор и не смеялся.

— Вес немалый, чтобы постоянно его на себе таскать, правда? — сказала я. — Подумайте сами: если вам к груди привязать три килограмма лишней плоти и заставить их на себе носить, ваша спина тоже заболит, разве нет?

Все так же неподвижно глядя на меня, он откашлялся.

— А как... как вы...?

— Кухонные весы, — сказала я, понимающе кивнув, — просто положила на чашу. Я не стала взвешивать обе, сделав допущение, что они приблизительно одной массы. Я понимаю, это не совсем научный подход, но...

— Я выпишу вам еще болеутоляющего, мисс Олифант, — перебил он и склонился над клавиатурой.

— Но на этот раз посильнее, — твердо сказала я, — и побольше. Раньше от меня пытались отделаться крохотными дозами аспирина. Но теперь у меня в запасе должно быть высокоэффективное средство. Не могла бы я вас заодно попросить выписать препарат от экземы? У меня такое ощущение, что в моменты стресса или радостного возбуждения она значительно обостряется.

Мою вежливую просьбу он даже не удостоил ответом и лишь кивнул. Мы хранили молчание, пока принтер выплевывал рецепты и предписания, которые затем врач протянул мне. Он опять уткнулся в экран и забарабанил по клавишам. Повисла неловкая пауза. Да, его социальные навыки удручающе непрофессиональны, особенно для такой работы, где приходится иметь дело с людьми.

— Ну что же, до свидания, доктор, — сказала я, — огромное спасибо, что уделили мне время.

Мой подчеркнуто вежливый тон явно не произвел на него впечатления. Он неподвижно застыл, углубившись в свои записи. Что делать, у молодых врачей тоже есть недостаток: неумение разговаривать с пациентами.

Это было вчера утром, в другой жизни. А сегодня, в нынешней, автобус на приличной скорости нес меня в офис. Шел дождь, окружающие, съезжившись в своих пальто, выглядели несчастными, от их несвежего утреннего дыхания запотевали окна. Жизнь искрилась мне навстречу каплями дождя на стекле, ласково мерцая над спертой духотой промокших ног и сырой одежды.

Я всегда гордилась, что справляюсь в этой жизни одна. Я одинокий боец — я Элеанор Олифант. Мне больше никто не нужен, в моей жизни нет зияющей брешки, и все фрагменты моего пазла на месте. Я вещь в себе. Вот что я себе всегда говорила, во всех ситуациях.

Однако вчера вечером я встретила любовь всей своей жизни. Как только он вышел на сцену, все сразу стало ясно. Он был в удивительно стильной шляпе, но привлекла меня совсем не она. Нет, я не настолько поверхностна. На нем был костюм-тройка, *и нижняя пуговица жилета была растегнута*. Настоящий джентльмен всегда оставляет нижнюю пуговицу жилета растегнутой, говорила мамочка. Это одна из вещей, на которые нужно обращать внимание, они выделяют элегантного, утонченного мужчину соответствующей классовой принадлежности и социального статуса. Его красивое лицо, его голос... наконец передо мной стоял мужчина, которого не без уверенности можно было описать как «подходящий вариант».

Мамочка будет в восторге.

В офисе витал дух пятничного веселья. Все, будто сговорившись, делали вид, что выходные почему-то будут замечательными и что на следующей неделе на работе все будет по-другому, лучше. Время их ничему не учит. Вот для меня все действительно изменилось. Я спала плохо, но, несмотря на это, чувствовала себя хорошо, еще лучше, замечательно. Говорят, что когда встречаешь «того самого», то просто знаешь — это Он. Так оно все и было, вплоть до того, что по велению судьбы он встретился мне в четверг вечером, и теперь меня ждали долгие, заманчивые, многообещающие выходные.

Один из наших дизайнеров сегодня как раз работал последний день, и мы, как обычно, намеревались отметить это событие дешевым вином и дорогим пивом, закусывая их наваленными в глубокие тарелки чипсами. Если повезет, все начнется рано, я смогу показаться и все-таки уйти вовремя. Сегодня мне просто необходимо пройтись по магазинам до их закрытия. Я толкнула перед собой дверь и вздрогнула от холодного воздуха кондиционера, несмотря на то что на мне была моя ветровка. Билли был в центре внимания. Сам он стоял ко мне спиной, остальные, слишком поглощенные его словами, тоже не заметили, как я вошла.

— Она чокнутая, — сказал он.

— Мы в курсе, что она чокнутая, — сказала Джейни, — никто в этом никогда и не сомневался. Вопрос лишь в том, что она сделала на этот раз.

Билли фыркнул.

— Выиграла билеты и пригласила меня на этот идиотский концерт!

Джейни улыбнулась.

— А, эта ежегодная лотерея говнохалявы от Боба. Первый приз — два билетика, второй — четыре...

— Вот-вот, — вздохнул Билли. — Не четверг, а недоразумение: благотворительная вечеринка в пабе с командой маркетологов нашего крупнейшего клиента в главных ролях, плюс неловкие выходки их друзей и членов семьи. И в довершение всех бед — она!

Все засмеялись. Я не могла не согласиться с его мнением: вечер не был похож на пышный блистательный бал в духе Великого Гэтсби.

— В первой половине выступала одна очень даже неплохая группа — какой-то Джонни и «Первые Пилигримы», — сказал он. — В основном они играли свои песни, но было и несколько каверов на старую классику.

— Я знаю его, это Джонни Ломонд! — воскликнула Бернадетта. — Он учился вместе с моим старшим братом, а когда мама с папой уехали на Тенерифе, явился к нам на вечеринку вместе с другими приятелями из старших классов. Насколько я помню, кончилось все тем, что в ванной засорилась раковина.

Я отвернулась, не желая слушать о его оплошностях в молодости.

— Ну так вот, — продолжал Билли (я давно заметила, что он не любит, когда его перебивают). — Ей просто совершенно не понравилась эта группа. Ее будто заморозили: сидела не шевелясь, не хлопала, вообще ничего не делала. А как только они закончили, заявила, что ей пора домой. Даже не дождалась прерыва. В итоге мне пришлось до конца сидеть там одному, как будто я лузер без друзей.

— Какая досада, лузер, — Лоретта толкнула его в бок, — ты ведь наверняка хотел после вечеринки сводить ее куда-нибудь выпить, а может, потанцевать.

— Очень смешно, Лоретта. Нет, она сорвалась, как комета, — и наверняка устроилась в кровати с чашкой какао и журналом «Женские секреты» еще до того, как концерт закончился.

— Ой, — произнесла Джейни, — я не думаю, что она читает «Женские секреты». Это должно быть что-то гораздо более странное и неожиданное. «Спутник рыболова» или «Дом-фургон».

— «Золотой мустанг», — твердо заявил Билли, — она получает его по подписке.

Все захихикали.

На самом деле, даже я засмеялась.

Минувшим вечером я ничего такого не ожидала, и от этого произошедшее потрясло меня еще больше. Я принадлежу к тем, кто любит все надлежащим образом спланировать, заранее подготовить и организовать. А *это* возникло из ниоткуда. Мне будто дали пощечину, саданули под дых, обожгли.

Билли я пригласила на концерт главным образом потому, что он в нашем офисе самый младший и в силу возраста, как мне показалось, должен любить музыку. При мне коллеги отпускали в его адрес по этому поводу шуточки, полагая, что я ушла на обед. Я ровным счетом ничего не знала о концерте, ни разу не слышала приглашенных групп и отправилась туда только из чувства долга, потому что выиграла билеты в благотворительную лотерею и знала, что коллеги потом обязательно будут расспрашивать, как все прошло.

Я тянула кислотоватое белое вино, теплое и с привкусом пластиковых стаканчиков, в которых подавали напитки в этом заведении. За каких дикарей они нас принимают? Билли проявил настойчивость и заплатил за меня в благодарность за приглашение. Не было никаких сомнений в том, что это не свидание. Сама мысль об этом была нелепой.

Свет погас. Билли не хотел смотреть музыкантов на разогреве, но я проявила твердость. Никогда не знаешь, кто сейчас выйдет на сцену и станет творить,

никто не может дать гарантии, что перед тобой не восходящая звезда. Вот в этот момент и появился *он*. Я не сводила с него глаз. Он был весь свет и тепло. Он сиял. Все, к чему он прикасался, претерпевало изменения. Я выпрямилась на стуле и подалась вперед. Ну наконец-то. Я его нашла.

Теперь, когда судьба приоткрыла завесу над будущим, я была просто *обязана* узнать о нем больше. Поэтому перед тем как начать борьбу с кошмаром, называемым ежемесячным отчетом, я решила быстро глянуть сайты универсальных магазинов, чтобы посмотреть, сколько может стоить компьютер. Думаю, можно было бы прийти на работу в выходной и воспользоваться одним из офисных, но существовал немалый риск того, что там окажется кто-то еще и поинтересуется, что я делаю. Не то чтобы это запрещено, но моя личная жизнь никого не касается, к тому же мне не хотелось бы объяснять Бобу, как я, работая даже в выходные, так и не разгребла огромную кучу счетов, ждущую своего часа. К тому же дома параллельно можно было бы делать и другие дела, например, приготовить на пробу что-нибудь для нашего первого совместного ужина. Когда-то мамочка говорила мне, что мужчины просто без ума от слоеных пирожков с мясом. Путь к сердцу мужчины, сказала она, лежит через испеченные собственноручно пирожки — слоеное тесто и мясо хорошего качества. Но я в последние годы ничего, кроме макарон, не готовила. Я никогда не пекла пирожки с мясом. Но я не думаю, что это так уж трудно. Это всего лишь тесто и фарш.

Я включила свой компьютер и ввела пароль, но он вдруг завис. Я выключила его и включила опять, однако на этот раз дело даже не дошло до пароля. Досадно. Я отправилась на поиски Лоретты, нашего офис-менеджера. Она чересчур высокого мнения о своих ад-

министративных способностях, а в свободное время мастерит уродливые украшения и потом продает их всяким идиотам. Я сказала, что у меня сломался компьютер и что связаться с нашим системным администратором Дэнни мне не удалось.

— Дэнни у нас больше не работает, Элеанор, — сказала она, не отрывая от монитора глаз, — вместо него теперь другой парень, Рэймонд Гиббонс? Мы взяли его месяц назад?

Она произнесла это таким тоном, будто я должна была об этом знать. Все так же не глядя на меня, Лоретта написала его полное имя и добавочный телефон на стикере и протянула его мне.

— Большое спасибо, Лоретта, — сказала я, — ты, как всегда, оказала мне огромную услугу.

Она, конечно же, пропустила мои слова мимо ушей.

Я набрала номер, но услышала лишь автоответчик: «Привет, Рэймонд здесь, но его *нет*. Он как кот Шредингера. Оставьте сообщение после короткого сигнала. Пока!»

Я с отвращением покачала головой, после чего медленно и внятно продиктовала:

«Доброе утро, мистер Гиббонс. Это мисс Олифант из финансового отдела. У меня сломался компьютер, и я была бы чрезвычайно признательна, если бы вы сегодня пришли и посмотрели, нельзя ли его починить. Если вам нужны дополнительные подробности, можете позвонить мне по добавочному пять-три-пять. Заранее вас благодарю».

Я надеялась, что мое лаконичное, предельно ясное сообщение он воспримет в качестве примера для подражания. Я подождала десять минут, наводя на столе порядок, но он все не звонил. Потом еще два часа разбирала бумаги, а по прошествии этого времени, так и не получив от мистера Гиббонса никаких вестей, решила раньше обычного уйти на обед. Мне пришлось в голо-

ву, что мне следует физически подготовиться к потенциальной встрече с музыкантом и несколько усовершенствовать себя. Но где начать себя переделывать — снаружи или внутри? Я мысленно составила в голове перечень процедур индустрии красоты, через которые придется пройти: волосы (на голове и теле), ногти (на пальцах рук и ног), брови, целлюлит, зубы, шрамы... все это необходимо было привести в порядок, удалить, обновить, улучшить. В итоге я все же решила начать снаружи и постепенно двигаться внутрь — в конце концов, в природе чаще всего происходит именно так. Сбрасывание старой кожи, возрождение. Животные, птицы и насекомые способны навести на очень правильные мысли. Если я сомневаюсь, как следует поступить, я спрашиваю себя: «А что на моем месте сделал бы хорек?» или «А как в подобной ситуации поступила бы саламандра?». И обязательно нахожу верный ответ.

Каждый день по дороге на работу я проходила мимо салона «Джули’з Бьюти Баскет». На мое счастье, сегодня какая-то их клиентка отменила визит и у них для меня нашлось окно. Меня примет Кайла, это займет порядка двадцати минут и обойдется мне в сорок пять фунтов. Сорок пять! Однако, когда Кайла повела меня в один из кабинетов на нижнем уровне, я напомнила себе, что *он* того стоит. Как и другие сотрудники салона, Кайла была одета в некое подобие белого хирургического халата и белые сабо. Мне эта псевдомедицинская униформа понравилась. Мы вошли в неприятно маленькую комнатку, в которую едва помещались лишь кушетка, стул и небольшой столик.

— Теперь вам надо снять... — сказала она и бросила взгляд на нижнюю половину моего туловища... — э-э-э... брюки, нижнее белье и лечь на кушетку. Хотите, оставайтесь ниже пояса обнаженной, или можете взять вот это.